

20. Хромова І. Атрибуція монет Чернігово-Сіверського князівства: проблеми та здобутки / І. Хромова // Сіверянський літопис. – Чернівці, 2008. – № 3. – С. 22–28.
21. Хромова І. До проблеми атрибуції зображення родового знаку князів Ольгердовичів / І. Хромова // Спеціальні історичні дисципліни: Питання теорії та методики. Зб. наук. пр. / Відп. ред. Г. В. Боряк. – К.: Інститут історії України, 2008. – Число 15. – С. 304–315.
22. Хромова І. До питання про вплив джучидської монетної традиції на формування місцевої монетної справи в українському Подніпров'ї середини – другої половини XIV ст. / І. Хромова // Український історичний збірник (2009). / Гол. ред. Т. Чухліб. Вип. 12. – К.: Інститут історії України НАН України, 2009. – С. 49–59.
23. Хромова І. К иконографии киевских и северских монет второй половины XIV в. / И. Хромова // Нумизматические чтения 2009 года. К 80-летию А. С. Мельникова и 90-летию В. В. Узденикова. Тезисы докладов и сообщений. – М.: ГИМ, 2009. – С. 28–31.
24. Хромова І. Вопросы атрибуции находок местных монет-подражаний второй половины 14 в. на территориях литово-ордынского приграничья / И. Хромова // Международная нумизматическая конференция. Тезисы докладов. Вильнюс 23–25 мая 2012 г. Национальный музей Литвы. – С. 108–111.
25. Хромова І. Монетне карбування на території Середнього Подніпров'я. Від наслідувань до офіційних емісій. Питання іконографії / І. Хромова // Український історичний збірник. К.: НАН України, Інститут історії України, 2012. Випуск 15, с. 229–237.
26. Хромова І. До історії розвитку карбування на українських землях: місцеві наслідування джучидських монет XIV ст. / І. Хромова // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. Збірка наукових праць / Відп. ред. Г.В. Боряк; Упорядники: В.В. Томозов, І.К. Хромова. – К.: НАН України, Інститут історії України, 2013. – Число 22–23. – С. 462 – 470.
27. Хромова І. «Місцеві монети-наслідування другої половини XIV ст. на литовсько-ордынських прикордонних територіях» / І. Хромова // Ukraina Lituanica: студії з історії Великого князівства Литовського. – К., Інститут історії України НАН України, 2015. – Т. III. – С. 191 – 203. (у співаві з К. Хромовим).
28. Хромова І. Сіверське карбування другої половини XIV ст. / І. Хромова // IV Міжнародна наукова конференція „Україна і Велике князівство Литовське в XIV– XVIII ст.: політичні, економічні, міжнародні та соціокультурні відносини в загальноєвропейському вимірі” – Кам'янець-Подільський національний університет імені Івана Огієнка 16 – 19 вересня 2015 р. Тези доповідей. – К., 2015 – С. 16–19.
29. Церковняк В. Каталогізація монет Подільського князівства карбованих наприкінці XIV ст.: (подільський денарій, півгрошки "Смолрич" та "Поділля") / В. Церковняк // Нумизматика і Фалеристика. – 2014. – № 2. – С. 9–11.

УДК 930.2

В. Божанов

ИСТОРИЯ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

В статье рассматриваются некоторые проблемы совершенствования методологии исторической науки. Автор показывает появление новых акцентов, понимания исходных позиций, позволяющих углублять исторические исследования, более точно выражать не только внешние факторы, но и суть исторического прошлого.

Ключевые слова: методология, единство исторического прошлого, критерии исторической науки, единство мира

In article some problems of perfection of methodology of a historical science are considered. The author shows occurrence of new accents, understanding of the initial positions, allowing to deepen historical researches, more precisely to express not only external factors, but also an essence of the historical past.

Key words: methodology, unity of the historical past, criteria of a historical science, unity of the world.

Современная историческая наука вполне убедительно свидетельствует, что исследовательская работа о человеческом прошлом способна дать о нем вполне объективную информацию, оставляя при этом поле для дальнейших уточнений, пересмотра прежних позиций и т.д. Для этого используются накопленные знания, все более глубокое понимание истории, новые способы и методы ее изучения. С эпохой эллинизма, например, связано эмпирико-теоретическое знание о социальной реальности. И хотя оно в значительной степени было связано с философией, мифом/религией, искусством, моралью и т.д., все же формировалось специфическое историческое знание, освещенное такими великими авторами, как Геродот, Фукидид, Ксенофонт, Полибий, Ливий, Тацит и др. [9, с. 56-57]

В Средневековье история понималась как разворачивание замысла Бога, библейская история от сотворения мира служила непреложной истиной. С конца XIV в. историческая литература приобрела гуманистическую направленность. Это работы историков Л. Бруни, Ф. Бьондо, Н. Макиавелли, Ф. Гвиччардини и др. Кстати, именно в это время вместо термина «хроника» в обиход приходит термин «historia».

Одной из наиболее популярных в период Просвещения тем была тема единой человеческой природы, которая трактовалась как изначально заданная человеку на все времена. Это способствовало поиску универсальных законов, вытекающих из этих общих для человеческого рода качеств (Юм, Монтескье, Руссо, Вико, Гердер, Кондорсе, Вольтер, Кант). В XVIII-XIX вв. сформировался принцип историзма, что означало рассмотрение всякого явления в его развитии: зарождении, становлении и отмирании. Историзм как способ осмысления прошлого, современности и вероятного будущего требует искать корни всех явлений в прошлом; понимать, что между эпохами существует преемственность, а каждую эпоху надо оценивать с точки зрения ее исторических особенностей и возможностей. В результате на общество удалось взглянуть как на нечто цельное и взаимосвязанное [4, с. 152].

Важным путеводителем для историков стала идея Ф. Бэкона, сконцентрированная в знаменитом выражении «Знание – сила», т.е. признании поступательного прогресса общества на основе развития научно-технической мысли. Однако события показали, что прогресс в определенные периоды прерывается регрессом, откатом назад, возвратом к прежним порядкам. Как заметил Исайя Берлин, «не существует лестницы, по которой можно было бы взойти от античности к современности» [1, с. 15]. Это позволило наполнить исторические работы многовекторными вариантами общественного развития, потенциальными пучками исторических возможностей и причинами складывания событий так, как они фактически произошли. Историческое развитие стало восприниматься, в соответствии с гегелевской идеей как борьба противоположностей. История уходит от трафаретности, наполняется живыми обстоятельствами и альтернативами.

Коренной перелом наступает в последней трети XIX в. Во-первых, в этот период в явном виде концептуализируется понятие общественных наук как эмпирико-теоретического знания о социальной реальности, отличной от других видов знания. Во-вторых, выделяются самостоятельные общественно-научные дисциплины (политология, социология, экономическая наука, этнология, психология и т.д.). И именно тогда происходит размежевание «истории» как общественно-научного знания о прошлой социальной реальности и всех остальных общественных наук [13, с. 58].

В конце XX в. в общественных науках произошел переход к новым методологическим позициям, основанным на синергетике. Были сформулированы главные критерии нового стиля мышления: 1) предметом науки является не только закономерное общее, но и случайное; 2) естественный порядок мироздания не инертен, а активен и подвижен; 3) детерминизм в развитии мира не исключает

случайностей; 4) развитие многовариантно и альтернативно; 5) развитие происходит через неустойчивость; 5) процесс развития предполагает рост или свертывание разнообразия [см.: 12, с. 105].

В конце XX – начале XXI вв. историческая наука стала огромным и гетерогенным полем исследования, характеризуемым удивительной диверсификацией подходов. Сегодня любой аспект человеческого опыта имеет своего историка: от одежды до государства. Естественно, множество неисториков, взявшихся за историческое писание, обошлось минимумом правил из арсенала исторической науки. В результате в исторической науке сложились следующие проблемы: а) проблема когеренции: сегодня в истории нет какого-либо одного всеми разделяемого гранд-норратива, т.е. появилось множество областей исследований, часто имеющих между собой очень мало точек соприкосновения; б) проблема значимости (важности) исторических работ. Ввиду отсутствия общего критерия трудно быть уверенным что какое-либо исследование «важно» или «значительно»; в) проблема отношения между историей как академической дисциплиной и другими смежными с ней областями исследования прошлого; г) проблема исторической репрезентации: каково должно быть отношение между традиционно репрезентированной историей и такими новыми способами репрезентации, как художественные и документальные фильмы, музеи «живой истории», цифровые архивы, медиа и пр. [9, с. 7].

Пытаясь решить эту проблему, крупнейший немецкий теоретик истории Розен Й. утверждает необходимость признания того, что «существует лишь множество историй, а не единственная история как фактическое бытие». Но, тем не менее, нам нужна идея единства исторического опыта [см.: 6, с. 12]. Замечу, что эта мысль восходит к Лаппо-Данилевскому А.С., который в свое время призывал историков интересоваться «целостной «действительностью» или целокупностью фактов, связанных между собою, а не разрозненными или оторванными друг от друга обломками действительности» [11, с. 331]. Очевидно, что процесс дробления истории на множество «историй» должен происходить без потери общего пространства исторического знания со своими правилами, нормами, понятиями, как единое осмысление прошлого. Существование мира не как множества, а как неделимой целостности, является наиболее реальным и достоверным объективным фактом с четким представлением, «как вырабатывалась и складывалась современная действительность» [12, с. 216].

Существенное значение имело понимание историками, насколько близко к реальности могут быть воспроизведены прошедшие события. Часто этому мешает современное понимание тех событий. Ведь в отличие от естественных наук историк никоим образом не может повторить то, что произошло. Любое конкретное действие происходит исключительно однажды и невоспроизводимо как предмет наблюдений. Поэтому в последнее время в исторической дисциплине утверждается понимание прошлого как «другого», которое можно понять лишь через дискурс, категории, субъективные ощущения некоторых участников, т.е. через социальную и культурную антропологию, которая дает ответ на вопрос, «как этот мир должен был бы выглядеть для других людей и обществ» [1, с. 112-113].

Всё чаще историю трактуют как науку, к которой добавлено искусство. Лаппо-Данилевский по этому поводу отмечал: «Человек, не обладающий достаточной силой творческого воображения, конечно, не может сделаться настоящим ученым, не будет и настоящим историком». Для этого, по его мнению, историк должен уметь преодолевать современные взгляды, привычные состояния, чтобы «воспроизводить в себе» чужое сознание, глубоко погружаться в чужие интересы, быть восприимчивым к разнообразнейшим проявлениям человеческой жизни и сопереживать их [12, с. 233].

Наличие у историка собственного индивидуального творчества Лаппо-Данилевский ставил выше владения исторической методологией. На особые качества историка обращали внимание античные историки. Они были уверены, что историк должен путешествовать либо лично быть участником событий, в крайнем случае, хотя бы посетить места событий и беседовать с очевидцами. Именно в этом случае возникает историческое повествование, наполненное колоритом, духом эпохи, атмосферой свершаемых событий, оригинальными подробностями и наблюдениями. Историк, не желающему заниматься простым сканированием исторического прошлого, важно понять это историческое прошлое через мысли, переживания, восприятия, термины, язык тех, кто в то время жил, например, Бонапарта, Александра Македонского, Евфросиньи Полоцкой, Франциска Скарины, Кастуся Калиновского и др.

Историк, «входя» в историческое прошлое, отнюдь не останавливается на увиденном. Обращаясь к прошлым деяниям людей, он делает определенные выводы о значимости происшедшего, его влиянии на последующее развитие. Со всем уважением относясь к истории Геродота, известно, сколь много она содержит выдумок (о вмешательстве божественных сил в ход исторических событий, об Арионе, вынесенном на берег дельфином, об одноглазых людях и пр.) [см.: 3]. Еще известный арабский историк, философ Ибн Холдун (1332-1406) призывал раскрывать сущность истории, освобождаясь от влияния мифов, легенд и фантазии, ибо, по его мнению, история человеческого общества это не история героев, пророков и царей [см.: 2, с. 15]. Историки все же приходят к согласию о критериях исторического исследования, признанию определенных исторических фактов и событий, их дат, периодизации истории, ее персоналиях, формировании и использовании специфической терминологии и т.д. Это позволяет существовать единому научному полю истории, профессионализации ее исследований, определенному взаимопониманию историков.

Английский историк Д. Тоша сформулировал три фундаментальных принципа исторического сознания. Первый, который он называет наиболее фундаментальным из них – это различие, т.е. «признание, что нашу эпоху и все предыдущие разделяет пропасть» [14, с. 10]. Это ощущение для нас труднодоступно, ибо в исследовательской работе мы оперируем рациональными, разумными доводами.

Вторым компонентом исторического сознания для Тоши является контекст. Любое событие появлялось, жило, развивалось и исчезало как результат многочисленных и разноректорных факторов. Надо попытаться поставить себя в контекст развивавшихся событий, а не свершившихся. Третий фундаментальный аспект исторического сознания, по Тошу, – «это понимание истории как процесса, связи между событиями во времени» [там же, с. 12]. Фактам и событиям предшествуют предпосылки, варианты, которые происходят во времени, хотя и не обязательно последовательно. То, что, в конечном счете, свершилось, есть результат устремлений разноречивых претендентов на событийность.

Соблюдение указанных принципов в историческом исследовании по существу и отличает профессионального историка от любителя. Только разобрав клубок событий, установив их взаимодействия в обстоятельствах и времени можно более-менее правдиво осветить исторический процесс. Познание отношений – квинтэссенция исторического знания.

В последнее время в научной литературе высказывается мнение, что существующие методологические и мировоззренческие ориентиры не могут системно выразить динамику социальных сдвигов [7, с. 4], современные ученые столкнулись с определенной «исчерпанностью» традиционно используемых ими методов и средств изучения окружающего мира [5, с. 89].

В числе новых методологических подходов предлагается при рассмотрении системы общества использовать две модели: функциональную и трансформационную. Первая работает на сохранение общества, вторая – на его развитие. Первая подчиняет деятельность людей неким общим стандартам. В этом случае реализуется экстенсивная социальность. Вторая модель сводит общество к набору функций, задаваемых социальной системой. Общество предстает как результат взаимодействия человеческих индивидов. Оно возникает и воспроизводится в совместной и индивидуальной жизни людей на основе связывания их различных качеств, сил и способностей.

Современное общество находится в транзитном состоянии, в движении от первой модели ко второй и речь должна идти о радикальных сдвигах в понимании и использовании методологического инструментария. Строительными элементами новой онтологии видятся процессуальность, временность, континуальность-дискретность, событийность. И теперь онтология не рисует картину, она фиксирует, ориентирует и предупреждает, она теперь не столько карта, сколько компас [там же, с. 6, 7]. Индивид

рассматривается, как узел социальных связей, демонстрирующий собой многомерность социального процесса. Возникающая прерывность деятельности людей обеспечивает возможность новой «сборки» в иных формах совместного или индивидуального развития. Картина современности, которую мы получаем таким образом, существенно отличается от картины индустриальной эпохи с ее механизированными системами, социальными механизмами, рычагами управления и индивидами. Современность раскрывается как работа со временем, с динамикой социальности, с культурным разнообразием.

Сегодня необходимо говорить и о том, что практическая реализация того или иного варианта возможных альтернатив нередко вызывает ощущение своей предопределенности, заданности. Ученые приходят в выводу о сходстве законов развития био- и космосферы, о единстве мира в нас и мира вокруг нас. По крайней мере, например, существуют доказательства, что поведение и физиология людей, животных, бактерий зависят от положения тела по отношению к магнитным полюсам Земли. Наше тело, мозг и, в конечном счете, сознание становятся «частями квантомеханического описания физической Вселенной» [15, с. 92, 179]. Эта связь еще находится в стадии разработки, Решения, отбор, преимущество – все это возникает и из разумных усилий человека, и из процессов в глобальном пространстве. Отсюда историку надо внедряться в законы природы, космоса, бытия материи. Может быть, такой подход еще не столь актуален, но за этим горизонты нового исторического мышления, которое так или иначе надо постепенно осваивать.

История такова, как она свершилась. Но в руках историка она близка к своей достоверности лишь при использовании все более точной и совершенной методологии исследования. Новації підтверджують, що, не отвергая классику, современный историк ищет и находит пути приближения к исторической истине, что открывает дорогу новым оригинальным исследованиям в исторической науке.

Источники и литература

1. Берлин И. Философия свободы. Европа. 2-е изд. М., 2014
2. Гатас Нимх. Методология истории в интерпретации Ибн Хальдуна: автореф. дисс ... канд. ист. наук. Львов, 1991
3. Геродот. История: В 9 кн. // Режим доступа www.vehi/istoriya/grecia/gerodot/01.html
4. Гранин Л.Е. От Конфуция до Конта. Становление теории, методологии и философии истории: Учеб. пос. М., 2012
5. Гусев С.С. «Культура невозможного»: смена познавательных ориентаций // Философские науки. 2014. № 6
6. Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. М., 2007
7. Кемеров В.Е. Ключи к современности – в сдвигах методологии // Вопросы философии. 2014. № 2
8. Ключевский В.О. Сочинения в 9-ти тт. М., 1989. Т. VII
9. Кукарцева М.А. Трансформация эпистем: познание истории в ускользающем мире // Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки. М., 2011
10. Лаппо-Данилевский. Методология истории. Часть I. Теория исторического знания. Пособие к лекциям, читанным студентам Санкт-Петербургского университета в 19 09/10 учебном году. Санкт-Петербург, 2016
11. Лаппо-Данилевский. Методология истории. Вып. II. Пособие к лекциям, читанным студентам Санкт-Петербургского университета в 19 10/11 году. – Санкт-Петербург, 1913
12. Миницкий Н.И. Методы конструирования научного и образовательного исторического знания: монография. Минск, 2006
13. Савельева И.М., Полетаев А.В. История в системе социального знания // Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки. М., 2011
14. Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. Пер. с англ. М., 2000
15. Фурса Е.Я. Мироздание – мир волн, резонансов и... ничего более. Минск, 2000
16. Хвостова К.В. Современная неклассическая научная парадигма и историческая наука // Вопросы философии. 2014. № 10